

DOI: 10.31857/S0869049922010105

Оригинальная статья / Original Article

Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе¹

© Л.Б. ЧЕТЫРОВА

Четырова Любовь Борисовна, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Россия), chetyrova@gmail.com

На основе обзора западной литературы автор показывает эволюцию концепта труда в критической теории в контексте решения важной для марксизма проблемы связи общественного труда с освобождением. Классический марксистский концепт труда лишается своего освободительного потенциала у Ю. Хабермаса, который в рамках интерсубъективного подхода свел труд к инструментальному действию. Критически переосмыслив Хабермаса, А. Хоннет в своей теории признания возвращает труду его освободительный потенциал. Развивая его теорию, К. Дежур создает операциональный концепт труда, который определяется как преодоление сопротивления реальности в контексте разрыва между предписанием и реализацией. Проведенный анализ позволил выделить концепты, которые описывают возможность антикапиталистического сопротивления и освобождения труда. Указанные концепты используются в анализе неотрадиционалистских форм труда в постсоциалистическом российском обществе, что позволяет охарактеризовать их как формы сопротивления. Цивилизационные различия феномена труда выделяются в перспективе советской модернизации, определившей субъективность работника, благодаря которой и возникли такие формы труда.

Ключевые слова: труд, работа, неотрадиционалистская форма труда, неоархаическая форма труда, критическая теория, теория признания, гаражники, экопоселенцы, освобождение труда

Цитирование: Четырова Л.Б. (2022) Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе // Общественные науки и современность. № 1. С. 22–33. DOI: 10.31857/S0869049922010105

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50684.

Funding. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research under Scientific Project No. 19-111-5068.

The Issue of Work Transformation in Post-Socialist Perspective

© L. CHETYROVA

Lyubov B. Chetyrova, Samara National Research University (Samara, Russia), chetyrova@gmail.com

Abstract. The article is focused on the evolution of the work concept in critical theory through the solution of the problem of relationship between social labor and emancipation, which is important in Marxism. The analysis is based on the review of Western literature. J. Habermas deprived the classical Marxist concept of labor of its emancipatory potential within the framework of an intersubjective approach and reduced labor to instrumental action. A. Honneth critically rethought Habermas' theory and returned labor its liberating potential in the theory of recognition. C. Dejours developed Honneth's theory and created an operational concept of work. It is defined as overcoming the resistance to reality in the context of the gap between prescription and realization. The analysis allowed the author to identify concepts that describe the possibility of anti-capitalist resistance and the emancipation of work. The concepts of work developed in the theory of recognition are applied to the analysis of neo-archaic forms of work in Russia, which allows to characterize them as forms of resistance. The civilizational differences of the work phenomenon are considered in the perspective of Soviet modernization, which determined the subjectivity of the worker. New forms of work emerged due to this subjectivity.

Keywords: labor, work, neo-traditionalist and neo-archaic forms of work, critical theory, recognition theory, garage workers, eco-settlers, work liberation

Citation: Chetyrova L. (2022) The Issue of Work Transformation in Post-Socialist Perspective. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 22–33. DOI: 10.31857/S0869049922010105 (In Russ.)

Изменение труда и решение вопроса об освобождении в критической теории

Во второй половине XX в. западные социальные теоретики заговорили о кризисе «трудового общества» [Dahrendorf 1987]. Главными причинами кризиса стали сокращение производительного труда, рост сервисного труда и обусловленная данными факторами трансформация субъективности работников. В социологии появилась теория «конца трудового общества», а в философии 1970-х гг. труд вообще исчезает из дискурса. Э. Рено объясняет данный феномен влиянием нормативной политической философии, которая дисквалифицировала проблемы отчуждения. Отказ от теоретической схемы, в которой труд анализировался, лишил концепт труда его освободительного потенциала. Выделяя две альтернативные позиции, Рено относит таких разных мыслителей, как Х. Арендт и Ю. Хабермас, к первой из них: в ней переинтерпретация труда произошла в контексте проблемы демократии. Ко второй позиции относят исследователей, которые рассматривают проблему освобождения в контексте понимания справедливости как перераспределения, что приводит к замещению вопроса о труде вопросом о его оплате и занятости [Renault 2012].

Свою роль в «исчезновении» труда из политической философии сыграло социокультурное преувеличение его ценности в «трудоном обществе». Н. Смит считает, что идеология экономического роста пропагандировала лишь те ценности, которые относились к жизни вне труда. Он пишет, что в перспективе инструментальной рациональности чрезмерная ценность, приписанная труду, в действительности преувеличивает наслаждение потреблением, чему труд служит средством [Smith 2012].

Цель статьи – рассмотреть феномен труда в постсоциалистической перспективе на основе постмарксистской критической теории, то есть в фокусе проблемы труда и освобождения. С этой целью необходимо, во-первых, рассмотреть, как менялся концепт труда в дискурсе труда и освобождения, во-вторых, провести анализ трансформации труда в постсовременном обществе, в-третьих, показать особенности решения вопроса об освобождении труда в российском контексте.

Рассматривая наиболее распространенные традиции в исследовании труда, британский исследователь Э. Хири выделяет унитаристскую, плюралистскую и критическую традиции [Heery 2016]. Критическая традиция наиболее подходит для анализа проблемы труда в постсоциалистической перспективе, так как она антикапиталистична по духу и позволяет рассмотреть различные теории освобождения труда.

К. Маркс создал философию, в которой концепт труда играет важную роль как для создания теории общества, так и для теории революции. Известный немецкий исследователь труда А. Хоннет считает главным недостатком социальной теории Маркса отсутствие моста между трудом как актом объективации и ситуацией отчужденного труда, что мешает решить проблему связи между трудом и социальным освобождением. У наследников Маркса он находит две фундаментальные стратегии решения данной проблемы: в первой происходит перенос всего освободительного потенциала к практике трансцендентального или коллективного субъекта (Сартр, Маркузе); вторая сужает концепт труда и сводит его к деятельности, направленной исключительно на практическое доминирование над природой (Хоркхаймер, Адорно) [Honneth 1995]. В обеих стратегиях, которые были популярны в 1960-е гг., концепт труда утрачивает свой освободительный потенциал.

В мире тем временем начался переход к неолиберализму, что еще сильнее актуализировало потребность в разрешении проблемы труда и освобождения.

Свой вариант решения проблемы труда и освобождения дал Ю. Хабермас, сформировав новую парадигму в рамках интерсубъективного поворота. В категориальную структуру своей теории он вводит два концепта: инструментальное действие (труд) и коммуникативное действие, которое имеет для него ключевое значение [Хабермас 2007]. Однако, придавая интерсубъективному пониманию как типу действия тот статус, который имел труд у Маркса, он категориально элиминирует формы сопротивления и эмансипации, укорененные в процессе труда при капитализме. Данной трактовке способствует также то, что Хабермас заменяет методологически важное для марксизма различие труда на производительные усилия и производственные отношения, вводя вместо него различие инструментальных (труд) и коммуникативных действий. Согласно логике Хабермаса, в структурах символически опосредованного взаимодействия моральное знание конструируется из интуитивных коммуникативных достижений/результатов актора, которые, в свою очередь, приносят в сознание цели взаимопонимания в основном вопреки общепринятым структурам социальной деятельности. Если говорить об общественном труде, то результаты манипуляции природными объектами встраиваются в техническое знание, которое усиливает контроль над внешней природой [Хабермас 2007]. В ходе такой замены освободительный потенциал труда исчезает.

Хоннет попытался вернуть его труду, опираясь на идеи «трансцендентального прагматизма» Хабермаса, но сохраняя онтологическую важность труда. С его точки зрения, инструментальный акт может называться трудом, если актор форматирует и направляет его. Тогда возникает возможность интеллектуального саморазвития, в котором трудящийся может поддерживать свое право контролировать процесс труда. В этом состоит трудовой характер инструментальных действий [Honneth 1995]. Труду возвращается его освободительный потенциал благодаря помещению инструментального действия в опыт

моральных требований. Логика «трансцендентального прагматизма» позволяет найти в моральном опыте мотивационную основу для критики общества, которая проявляется в форме борьбы за признание. Вслед за Хабермасом Хоннет обращается к гегелевской идее борьбы за признание, которая способна выполнять роль «внутримирской трансценденции» [Honneth 1996]. Моральная уязвимость работника, обусловленная экспроприацией всей его трудовой активности, побуждает его к борьбе за признание. Моральное знание, которое конструируется на основе опыта борьбы за признание, воплощается в актах труда, требующего своей автономии [Honneth 1995]. Рассматривая сопротивление в плоскости морали, Хоннет полагает, что угнетенные борются за достижение самоуважения, и делает вывод, что освобождение угнетенных становится возможным благодаря действию морального знания, которое формируется в опыте систематически нарушаемых структур интеракции. К борьбе за признание подводят эмоции – чувства гнева, боли и стыда, возникающие у людей, которым отказано в признании [Honneth 1996]. Все это и составляет моральную грамматику социальной борьбы.

Развивая хоннетовскую концепцию определяемого в парадигме признания труда, К. Дежур учитывает не только моральное знание, но и материальное измерение борьбы за признание. Понимая труд как преодоление сопротивления реальности, которое вызывает у субъекта чувства потери силы, разочарования и гнева, он акцентирует внимание на аффективной манифестации реальности в отношении работника. Под реальностью подразумеваются не только техника и технологии, но и отношения с коллегами, начальниками и подчиненными. В работе человек и его тело ощущают мир в фундаментальном отношении страдания. Аффективное страдание толкает его к поиску средств, которые помогут преодолеть сопротивление реальности, выйти за пределы самого себя и достичь признания. Труд осуществляется в аффективном опыте страдания, патологии. Поскольку не может быть страданий без тела, которое их претерпевает, то умелость, ловкость, виртуозность и технические ноу-хау возникают в аффективном опыте. Материальность признания выражается в том, что тело в целом, а не только мозг, выступает в роли локуса интеллекта и мастерства в труде, цель которого – присвоить мир [Dejours 2007].

Данная концепция не лишена недостатков. Анализ опыта несправедливости в труде нельзя проводить, не анализируя социальные отношения господства, которые объясняют уязвимость работников на рабочем месте. С одной стороны, Хоннет развил теорию признания как теорию справедливости и социальной поддержки, с другой – Дежур поместил социальные отношения господства в центр своей теории страдания на работе. Однако он не прояснил ни отношения между признанием и господством, ни общее определение социального господства.

Данную задачу попытался решить американский исследователь Б. Гулли. Радикализируя онтологию труда с помощью теорий М. Фуко, Д. Агамбена и П. Вирно, он пытается отстоять идею освобождения. Цель радикальной онтологии труда состоит в том, чтобы показать, что лучший мир возможен при условии уничтожения логики эксплуатации, а также в том, чтобы по-новому обосновать прежнюю марксистскую задачу трудящихся – освобождение труда [Gulli 2005]. Для решения данных задач он обращается к проблеме исчезновения производительного труда, или «смерти труда», и решает ее, различая труд (labor) и оплачиваемую работу (job). Общество будущего характеризуется как jobless, в нем нет работы. Однако труд, который Гулли онтологически рассматривает как человеческую чувственную деятельность, остается. Его Гулли трактует как творческую силу, которая реализуется в производстве, охватывающем весь диапазон человеческой деятельности от экономики до культуры. Производство становится художественным производством, а искусство, подобно труду – конститутивной силой этого мира [Gulli 2005].

Так менялся классический концепт труда Маркса, начиная с 60-х гг. прошлого века. Были рассмотрены концепции, которые представляют новую философию труда в пост-марксистском дискурсе освобождения. Пересмотр концепта труда был обусловлен прежде всего потребностью возвращения труду его освободительного потенциала.

Труд и работа в постсовременности

Технологии телекоммуникации, всемирная сеть, свободное перемещение капитала и информации, а также новая автоматизация привели к радикальной мутации труда. К данным факторам можно также добавить создание глобальных сетевых предприятий и использование онлайн-платформ, которые видоизменили лицо капитализма и сделали его платформенным. Сущность платформенного капитализма заключается в монополизации платформами баз данных, в использовании и продаже информации [Srnicek 2017]. Онлайн-платформы изменили найм: отныне работодатель может в режиме онлайн нанимать работника.

Возник новый тип наемных работников – кибертариат, сформировалась экономика, использующая временный найм работников, которые подвергаются гиперэксплуатации [McChesney, Nichols 2016]. С особой изощренностью эксплуатируют работников в тех азиатских странах, куда транснациональные корпорации переместили производства – там процветает iSlavery (электронное рабство) [Qiu 2016]. Британская исследовательница У. Хьюз использует схему, которая включает в себя различие продуктивного/репродуктивного, оплачиваемого/неоплачиваемого труда, а также метафору узла, где сплетены пропитание, труд и стоимость. С ее помощью Хьюз обосновала, что большая часть труда в цифровой экономике малооплачиваема и сервильна [Huws 2014].

Тому капитализму, в котором труд (work) понимался как работа (job), наемный труд (wage labor), время и усилия, которые работник продает в обмен на заработную плату, пришел на смену постфордизм, в котором труд становится когнитивным [Srnicek, Williams 2015]. Постфордистское производство характеризуется ростом интеллектуализации труда, размыванием границ между «работой» и «домом», флексибильностью, «парением» между трудом и игрой в интернете. Данные характеристики постепенно свели на нет те параметры, которыми работа измерялась прежде [Huws 2014]. Соответственно, меняется тип работника, для описания которого Г. Стэндинг применяет понятие прекариата [Standing 2011].

По мнению Стэндинга, растущая прекарнизация населения и появление прекариата – «нового опасного класса» – угрожает социальной стабильности. Для решения проблемы предлагается ввести безусловный базовый доход (ББД), который рассматривают как «социальные дивиденды», возвращение прошлых инвестиций [Standing 2011]. Необходимость философского осмысления указанных явлений и процессов привела к тематизации идентичности человека и трудовой этики в дискурсе труда и досуга, который возник вокруг обсуждения безусловного базового дохода (ББД). В этой связи возникает вопрос о культурных препятствиях для перехода к пост-трудовому обществу, так как человек больше не привязан к своей работе (job) и свободен творить свою собственную жизнь. Речь идет о западной трудовой этике и идентификации человека, определяющего себя через труд. Преодолеть данные препятствия возможно, как считают Срничек и Уильямс, только при условии культурного сдвига в понимании труда (work), что означает отказ от представления о труде как времени и усилиях, которые продают в обмен на доход [Srnicek, Williams 2015].

Проблему трудовой этики и «трудового общества» также ставит Д. Гребер, но не в контексте пост-трудового общества и всеобщей безработицы, а, напротив, в условиях возрастания «бредовой» работы (job). Запад стал «цивилизацией, основанной на работе, – даже

не на “производительной работе”, а просто на работе, смысл и цель которой заключаются в ней самой» [Гребер 2020]. Чаще всего она представляет собой симуляционную деятельность, порожденную противоречием между профессионалами и внутривнутрипрофессиональной и внепрофессиональной бюрократией, которая стремится захватить власть и устанавливать стандарты и нормы профессии. Трагичность ситуации работника в культуре постсовременности выражается в том, что ценность человека определяется его работой (job), уровнем его продуктивности. Без работы, вне универсума труда человек представляется ничем. Более того, труд сам стал своего рода религией, которая обосновывает моральную ценность труда и приписывает ему моральную природу [Гребер 2020].

К такого рода «бредовой» работе относятся усилия безработного по заполнению документов и посещения биржи труда, которые необходимы для получения рабочего места. Стэндинг называет такую работу «work for labor». Она не имеет рыночной стоимости и необходима лишь для получения возможности трудиться, а значит, в рыночных условиях становится «невидимой», что девальвирует ее [Standing 2011]. Стэндинг предлагает придать ей позитивный смысл и, соответственно, поднять ее статус, определяя ее как деятельность, которая обеспечивает социальное бытие. Сюда относится любая деятельность, которая улучшает личностные отношения и публичное участие в жизни сообщества. Стэндинг выдвигает следующий тезис: «спасти работу (work), не являющуюся трудом (labor), и досуг, не являющийся игрой» [Standing 2011]. Обозначенные исследователями мутации труда проявляют себя и в российском обществе, которое, с одной стороны, унаследовало черты общества советского модерна, как утверждает Н. Козлова [Козлова 2005], а с другой – находится в транзите к капитализму постфордистского типа.

Особенности мира труда в России

Экономический ландшафт России изобилует разнообразными формами труда и являет собой весьма любопытный феномен. Россия из индустриальной страны с крупными заводами и фабриками превратилась в государство нефтегазовой добычи и сервисной экономики. Тем не менее, все тенденции, характерные для изменения труда в постсовременном мире, обнаруживают себя здесь. По уровню цифровизации Россия в некоторых отраслях – например, в банковском секторе – опережает западные страны. Прекаризация, безработица, гиперэксплуатация свойственны российскому обществу. Российская молодежь легко включилась в глобальный сектор онлайн-занятости. Достаточно успешно претворяются планы по автоматизации ключевых для формирования бюджета страны добывающей промышленности и транспорта. Вместе с тем российский мир труда имеет свои особенности, вызванные следующими причинами: технологическим отставанием России, изобретением неотрадиционалистских и нео-архаических моделей труда и субъективностью российского работника.

Отличительной особенностью российского мира труда стала неформальная занятость. Разница масштабов неформальной занятости в России и зарубежных странах впечатляет. Доля теневой экономики России почти в два раза превышает объемы теневого сектора в США, а доля неформального сектора составляет 33,07% ВВП (2016 г.) [Тоценко 2018]. Так или иначе связаны с неформальной занятостью следующие формы: отходничество, хозяйствование в удаленных поселениях, распределенная мануфактура и «гаражная экономика». О важности данных форм хозяйствования говорит, например, тот факт, что не менее 40% провинциальных семей в стране обеспечивает себя за счет отходничества [Плюснин и др. 2013]. Социальный эффект отходничества заключается в создании «подушки безопасности» провинциальной России.

Появление данных форм хозяйствования отчасти объясняется наследованием советских трудовых практик. К их числу следует отнести сложившиеся в начале советской модернизации (1928–1938 гг.) механизмы мотивации труда, которые сохранились до конца советской эпохи и породили латентную форму материального вознаграждения – воровство и использование в личных целях ресурсов социалистического работодателя [Журавлев, Мухин 2004]. Появление таких форм вознаграждения возникло в результате адаптации работника к требованиям экономической системы. Одним из таких адаптивных механизмов, который открыл Д. Скотт, стал метис – практические знания о том, как и когда применять правила в конкретной ситуации. В результате еще при социализме сложилась «неофициальная экономика», основанная на «краже» времени, оборудования и ресурсов социалистического хозяйства [Скотт 2005]. Субъективность советского, а затем постсоветского работника выражается в умении адаптироваться к изменяющимся условиям, способности гибко реагировать и находить нетривиальные способы решения производственных задач.

Случай гаражников – работников, занятых в гаражах изготовлением мебели, авторемонтными и другими работами – наглядно демонстрирует данную тенденцию. Приблизительная численность гаражников в тех восьми регионах, которые были обследованы социологами, составляет более 130 тыс. человек [Селеев, Павлов 2016]. Главная причина ухода в гаражи людей, многие из которых имели опыт легальной предпринимательской деятельности – стремление уйти от государства, «закручивающего гайки», разочарование в нем из-за того, что оно «не создает в реальности рабочих мест» [Селеев, Павлов 2016].

Схожие практики описывает Д. Скотт, характеризуя территорию ускользания от государства (Зомия), на которой формировались формы хозяйственной деятельности «ускользнувших» [Скотт 2017]. Сходство здесь не только в стремлении уйти от государства, но и в промысловой модели труда. Деятельность гаражников имеет личностный характер и связана с личностью промысловика-основателя. Их навыки и умения часто уникальны и передаются через институт ученичества [Селеев, Павлов 2016].

Объяснить субъективность гаражника позволяет концепция производства субъективности М. Лазаратто. Используя концепт машины Ж. Делеза, он вводит понятия социального подчинения и машинного порабощения. Под машинами подразумеваются семиотические «наборы», которые состоят из людей, механических или электронных устройств и нематериальных элементов – например, фабрика. Социальное подчинение заключается в наделении индивидов идентичностью, полом, телом, профессией и другими атрибутами при помощи социальных институтов. В случае машинного порабощения на доиндивидуальном уровне человек образует с машиной одно тело. Машинное порабощение не проводит никакого различия между «человеческим» и нечеловеческим, считая людей и машины набором элементов, аффектов, органов, потоков и функций [Lazzarato 2016]. На пересечении этих двух способов и происходит формирование субъективности. В производстве субъективности заложена возможность ускользнуть от обоих видов подчинения с помощью абстрактной машины, которая осуществляет субъективную трансформацию.

Развивая данные положения, Г. Рауниг видит возможность противостоять унификации, валоризации и машинному контролю путем создания новых институций и территорий в ходе молекулярной революции, осуществляемой множествами. Множества возникают благодаря схожести дивидуумов, которых соединяет абстрактная линия. Им не требуется репрезентация лидерами, партией или авангардом [Raunig 2016].

Если рассматривать «уход» в гаражи в рамках данной концепции, его можно считать миграцией, благодаря которой гаражники осуществляют ре-территоризацию. «Захватив» путем аренды гараж, они преобразовали место стоянки автомобиля в место производства и, соответственно, осуществили декодирование, используя культурные коды промысло-

вого хозяйства. Миграция гаражников, конечно, отличается от зомийской, но сохраняет свое значение для конституирования их модели труда. Гаражники не восстанавливают традиционное хозяйство, а изобретают совершенно новый его тип, лишь внешне схожий с артельным трудом. Их модель возрождает модель ремесленного труда, но не становится ее точной копией. Носитель трудовых практик в ней – работник, субъективность которого разительно отличается от субъективности ремесленника, который обладал совсем иными навыками и умениями, уровнем образования, способами коммуникации.

В отличие от зомийцев Скотта, для гаражников, которые обладают опытом работы в промышленности или иных секторах индустриального общества и унаследовали ценности «советского трудового общества», важен вопрос о признании. Советский дискурс о труде и человеке труда исходил из права человека на труд и уважения человека труда. Несмотря на формальность юридического признания этого права, благодаря мощи советского идеологического аппарата, а также институту образования, для советских людей – особенно для первого поколения – труд стал самоочевидной ценностью [Козлова 2005].

В ситуации восстановления ремесленных трудовых практик категория труда оказалась важной для становления новой трудовой идентичности работников, которые стали гаражниками. Оказавшись в ситуации отсутствия работы, люди утратили не только средства к жизни, но и уважение к себе, перестав ощущать себя работниками. Уйдя в гаражи, гаражники получают возможности «чувствовать свою востребованность и обеспечивать себя трудом». Вот почему для гаражников имеет такую значимость признание, важная часть которого – признание коллег, которые оценивают техническое мастерство как победу человеческой компетенции над сопротивлением реальности [Селеев, Павлов 2016]. Помимо признания как уважения, существует еще самооценка, которая формируется в отношениях солидарности, понимаемой как причастность к общим целям и ценностям. Причастность к общим ценностям выражается в желании «приносить пользу» другим, что для гаражников важнее денег [Селеев, Павлов 2016]. Они измеряют успех не рыночными категориями, а количеством и разнообразием личных связей и полезных знакомств [Селеев, Павлов 2016].

Таким образом, сопротивляясь государству, гаражники изобрели альтернативную капитализму форму хозяйственной активности. Гаражная экономика есть опыт «исхода», неповиновения, в котором они обрели «свою» территорию, где реализуется их хозяйственная активность промыслового типа.

Другой опыт представлен в движении экопоселенцев, которые создают «родовые поместья» [Позаненко 2020]. Подобно гаражникам, они осуществляют ре-территоризацию путем учреждения «родовых поместий» на месте бывших советских сельских угодий. Одновременно данная территория перекодируется с помощью религии вернакулярного типа, которая формирует повседневную культуру и разрушает границы между «официальной» и «народной» религией. Важно, что благодаря этому происходит «околдовывание мира» как отрицание стратегии «расколдовывания» мира, необходимой для становления капитализма, о чем писал в свое время М. Вебер.

Опыт экопоселенцев интересен тем, что в трудовой практике они оперируют космологическими категориями [Андреева 2016]. Согласно их верованиям, вселенная предстает как живой организм, соответственно, труд как отношение к природе выступает важным способом коммуникации. Исход экопоселенцев из городов в «родовые поместья» мотивирован желанием вести экологичный образ жизни – речь идет не только об окружающей среде и органической пище, но и об экологии детства. Практикуя образование экстерном, экопоселенцы хотят избежать давления школы. Ограничивая доступ к гаджетам, они пытаются уберечь детей от влияния общества потребления и, соответственно, материалистических ценностей. Освобождаясь от подчинения социальным институтам, экопоселенцы меняют

свою идентичность, избегая порабощения техническими и иными семиотическими системами, и начинают рассматривать себя как часть вселенной. Они стремятся противостоять как социальному подчинению, так и системам социальной и символической механики. Если первое выступает как способ производства субъективности и наделяет индивида идентичностью, полом, телом, профессией при помощи социальных институтов, то системы социальной и символической механики порабощают его, превращая в винтик [Lazzarato 2014].

К «восстановленным» трудовым практикам следует отнести практики скотоводческих хозяйств в этнических регионах: Калмыкии, Бурятии, Туве и горном Алтае. Подобно гаражникам и экопоселенцам, скотоводы осуществляют ре-территоризацию, которая заключается в возвращении месту его утраченной в советский период многомерности. Место скотоводческого хозяйства становится локусом, который соединяет в себе разные связанные между собой и постоянно меняющиеся реальности. Трудовые практики осуществляются на пересечении мира чувственного и сверхчувственного, куда человек вступает благодаря религиозным практикам вернакулярного типа. Происходит такая ре-территоризация путем культурного декодирования советских норм и установления новых. Вековая привычка жить согласно ритмам природы, а не ритмам фабрики, отсутствие четкой разметки жизни формирует готовность к неопределенности. Восприятие мира как риска, неопределенность, характерная для западного образа постсовременного мира, следует из размывания границы «своего и внешнего». В космологиях, свойственных скотоводческим культурам, образ мира всегда характеризуется проницаемостью этих границ.

Цивилизационные различия форм труда, которые возникли при распаде общества советского модерна, следует рассматривать в контексте так называемого неотрадиционализма и неоархаизации. Оба феномена отвечают на вызовы социальной аномии, которая сопровождала резкий переход России к рыночным отношениям в 1990-х гг. Из-за обращения работников к архаическим формам хозяйствования и их переинтерпретации сообразно новым условиям хозяйствования появились неоархаические формы трудовой деятельности. Они свойственны, прежде всего, этническим регионам – таким, как Калмыкия и Тува [Ламажая, Намруева 2018]. Трудовые практики, которые возникли в городах, скорее неотрадиционалистские, чем неоархаические. Неотрадиционализм возникает вследствие обращения к традиционной культуре, которая инкорпорируется в культуру переходного к капитализму общества и меняется под ее влиянием [Мадюкова, Понков 2011].

В перспективе неотрадиционализма и неоархаики практики гаражников и экопоселенцев предстают как альтернативные капитализму формы хозяйственной жизни. В случае с гаражниками речь идет об опыте альтернативного социального порядка, который возник благодаря индивидам, чьи родовые человеческие способности (интеллект, язык, социальные навыки) «получают шанс стать основой негосударственных форм объединения людей» [Вирно 2013]. Экопоселенцы в перспективе «неоархаизации» выглядят как сообщества, нацеленные на выход за пределы актуальных форм власти, ориентированные на создание такого своего мира, в котором законы справедливы, а от человека зависит все [Андреева 2012].

В заключение следует сказать, что применение концептов критической теории к изучению неотрадиционалистских и неоархаических форм труда в России позволяет раскрыть проблему трансформации труда в постсоциалистической перспективе. Рассмотренные формы труда представляют собой альтернативу капитализму и открывают горизонт для создания посткапиталистического общества, избегая при этом угроз техногенного развития. Поскольку прежние формы сопротивления непригодны в постсовременном обществе, то появились совершенно новые. В то же время произошла ре-артикуляция понимания «труда» и «освобождения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Ю. (2012) Вопросы власти и самоуправления в религиозном движении «Анастасия»: идеальные образы родовых поселений и «воплощение мечты» // Антропологический форум online. 2012. № 17. С. 101–128.
- Вирно П. (2013) Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем. 176 с.
- Гребер Д. (2020) Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс. 440 с.
- Журавлев С., Мухин М. (2004) «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН. 238 с.
- Козлова Н. (2005) Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа». 544 с.
- Ламажаа Ч.К., Намруева Л.В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 206–226.
- Мадюкова С.А., Попков Ю.В. (2011) Феномен социокультурного не-отрационализма. СПб.: Алетейя. 132 с.
- Плюсин Ю.М. и др. (2013) Отходники: [монография]. М.: Новый Хронограф. 288 с.
- Позаненко А. (2020) Факторы, определяющие успешность поселения родовых поместий // ЭКО. Т. 49. № 2. С. 143–157.
- Селеев С.С., Павлов А.Б. (2016) Гаражники. М.: Страна Оз. 161 с.
- Скотт Д. (2005) Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Пер. с англ. М.: Университетская книга. 576 с.
- Скотт Д. (2017) Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Пер. с англ. М.: Новое изд-во. 408 с.
- Тощенко Ж.Т. (2018) Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука. 350 с.
- Хабермас Ю. (2007) Техника и наука как «идеология». Сб. ст. Пер. с нем. М. Праксис. 208 с.
- Dahrendorf R. (1987) *Fragmente eines neuen Liberalismus*. Stuttgart: Dt. Verl. Anst. 271 p.
- Dejours C. (2007) *Subjectivity, Work, and Action* // In: *Recognition, Work, Politics: New Direction in French Critical Theory*. Ed(s): J.-P. Deranty ... [et al.]. Leiden: Brill. Pp. 71–88.
- Gulli B. (2005) *Labor of Fire: The Ontology of Labor between Economy and Culture*. Philadelphia: Temple University Press. 214 p.
- Heery E. (2016) *Framing Work: Unitary, Pluralist, and Critical Perspectives in the Twenty-First Century*. New York: Oxford University Press. 318 p.
- Honneth A. (1995) *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy*. Ed(s): C. W. Wright. Albany: State University of New York Press. 343 p.
- Honneth A. (1996) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: The MIT Press. 240 p.
- Huws U. (2014) *Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: Monthly Review Press. 240 p.
- Lazzarato M. (2014) *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Translation by Jordan D. J. Los Angeles: Semiotext(e). 279 p.
- McChesney R. W., Nichols J. (2016) *People Get Ready: the Fight Against a Jobless Economy and a Citizenless Democracy*. New York: Nation Books. 360 p.
- Qiu J. L. (2016) *Goodbye iSlave: A Manifesto for Digital Abolition*. Urbana: University of Illinois Press. 227 p.
- Raunig G. (2016) *Dividuum. Machinic Capitalism and Molecular Revolution*. Los Angeles: Semiotext(e). 208 p.

Renault E. (2012) The Political Invisibility of Work and Its Philosophical Echoes // In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. Pp. 133–150.

Smith N.H. (2012) Three Normative Models of Work // In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): Smith N.H., Deranty J.-P. Pp. 181–208.

Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 170 p.

Srnicek N., Williams A. (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso Books. 245 p.

Standing G. (2011) *The Precariat. The New Dangerous Class*. London, New York: Bloomsbury Academic. 191 p.

REFERENCES

Andreeva J. (2012) Voprosy vlasti i samoupravlenija v religioznom dvizhenii “Anastasija”: ideal’nye obrazy rodovych poselenij i “voploshhenie mechtjy” [Power and Self-Government Issues in the Religious Movement “Anastasia”: Ideal Images of Ancestral Settlements and “Dream Come True”]. *Antropologicheskij forum online*. no. 17, pp. 101–128.

Dahrendorf R. (1987) *Fragmente eines neuen Liberalismus*. Stuttgart: Dt. Verl. Anst. 271 p.

Dejours C. (2007) Subjectivity, Work, and Action. In: *Recognition, Work, Politics: New Direction in French Critical Theory*. Ed(s): J.-P. Deranty et al. Leiden: Brill. pp. 71–88.

Graeber D. (2020) *Bredovaja rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs]. Moscow: Ad Marginem Press. 440 p.

Gulli B. (2005) *Labor of Fire: The Ontology of Labor between Economy and Culture*. Philadelphia: Temple University Press. 214 p.

Habermas J. (2007) *Tehnika i nauka kak «ideologija»* [Technology and Science as Ideology]. Translation from German. Moscow: Praxis. 208 p.

Heery E. (2016) *Framing Work: Unitary, Pluralist, and Critical Perspectives in the Twenty-First Century*. New York: Oxford University Press. 318 p.

Honneth A. (1995) *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy*. Ed(s): C.W. Wright. Albany: State University of New York Press. 343 p.

Honneth A. (1996) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: The MIT Press. 240 p.

Huws U. (2014) *Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: Monthly Review Press. 240 p.

Kozlova N. (2005) *Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii* [Soviet People. Scenes from History]. Moscow: Izd-vo «Evropa». 544 p.

Madjukova S., Popkov J. (2011) *Fenomen sociokul’turnogo ne-otradicionalizma* [The Phenomenon of Socio-Cultural Non-Traditionalism]. Saint-Petersburg: Aletejja. 132 p.

Lamazhaa Ch., Namrueva L. (2018) Subjetnicheskie differenciacii rossijskih jetnosov (na primere kalmykov i tuvincev) [Subethnic Differentiations of Russian Ethnic Groups: the Case of Kalmyks and Tuvans]. *Novye issledovanija Tuvy*. no. 2, pp. 206–226.

Lazzarato M. (2014) *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Translation by J. D. Jordan. Los Angeles: Semiotext(e). 279 p.

McChesney R. W., Nichols, J. (2016) *People Get Ready: The Fight Against a Jobless Economy and a Citizenless Democracy*. New York: Nation Books. 360 p.

Pljusnin J. et al. (2013) *Othodniki: [monografiya]* [The Wandering Workers: Othodniki: [Monograph]]. Moscow: Novyi Hronograf. 376 p.

- Pozanenko A. (2020) “Faktery, opredel'jajushhie uspešnost' poselenija rodovyh pomestij” [Factors Determined Success of the Patrimonial Manor Settlement]. *EKO*. vol 49, no. 2, pp. 143–157.
- Qiu J. L. (2016) *Goodbye iSlave: A Manifesto for Digital Abolition*. Urbana: University of Illinois Press. 227 p.
- Raunig G. Dividuum. (2016) *Machinic Capitalism and Molecular Revolution*. Los Angeles: Semiotext(e). 208 p.
- Renault E. (2012) The Political Invisibility of Work and Its Philosophical echoes. In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. pp.133–150.
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniiami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis' proekty uluchšeniia uslovii chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Translation from English by Gusinsky N. and Turchaninova Yu. I. Moscow: Universitetskaja kniga. 576 p.
- Scott J. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarhicheskaia istorija vysokogorij Jugo-Vostočnoj Azii* [The Skill of Being Uncontrollable. Anarchic History of the Highlands of Southeast Asia]. Moscow: Novoe izd-vo. 408 p.
- Selev S., Pavlov A. (2016) *Garazhniky* [Garage People]. Moscow: Strana Oz. 168 p.
- Smith N.H. (2012) Three Normative Models of Work. In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. pp. 181–208.
- Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 170 p.
- Srnicek N., Williams, A. (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. Brooklyn, NY: Verso Books. 245 p.
- Standing, G. (2011) *The Precariat. The New Dangerous Class: Monograph*. London, New York: Bloomsbury. 198 p.
- Toshhenko Zh. (2018) *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: From Proto Class to New Class]. Moscow: Nauka. 350 p.
- Virno P. (2013) *Grammatika množestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Moscow: Ad Marginem. 176 p.
- Zhuravlev S., Muhin M. (2004) «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivatsiia truda na sovetskom predpriiatii, 1928-1938 [«The Fortress of Socialism»: Daily Life and Labor Motivation in a Soviet Enterprise, 1928-1938]. Moscow: ROSSPEN. 238 p.

Информация об авторе

Четырова Любовь Борисовна, доктор философских наук, профессор Самарского национально-исследовательского университета им. С.П. Королева. Адрес: ул. Московское шоссе, д. 34, Самара, 443086. E-mail: chetyrova@gmail.com

About the author

Lyubov B. Chetyrova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Samara National Research University. Address: 443086, Moskovskoye shosse, 34, Samara. E-mail: chetyrova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 16.12.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.02.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 21.02.2022